

© 2025 О. В. Матвеев
Краснодар, Россия

«А МЫ ХРАБРЫ АСТРАХАНЦЫ...»: РУССКАЯ СУБЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА ВОЛЖСКОГО ПОНИЗОВЬЯ

Аннотация. Статья посвящена характеристике субэтнической составляющей одной из групп русского населения Волжского Понизовья – астраханского казачества. Создание Астраханского казачьего войска, консолидационные этнические процессы, формирование единого этнокультурного пространства в рамках войсковой территории, отстаивание традиций самоуправления и духовной самобытности способствовали появлению развитого самосознания, выраженного в самоназвании «астраханцы», «астраханские казаки». Драматические события и модернизационные процессы XX в. привели к утрате субэтнического статуса и слиянию астраханцев с русским населением Поволжья.

Ключевые слова: астраханское казачество, самосознание, самоназвание, субэтническая группа, этнокультурное пространство.

Ссылка при цитировании: Матвеев О. В. «А мы храбры астраханцы...»: русская субэтническая группа Волжского Понизовья // Традиции и современность. 2025. № 43. С. 26–38

Матвеев Олег Владимирович (Matveyev Oleg Vladimirovich) – доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета, эл. почта: ovm1965@list.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2025. № 43. С. 26–38

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>
УДК – 93/94; ББК – 86.372; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2025-43/26-38>

Долгое время в научном понятийном аппарате локальные группы русского народа (поморы, гураны, затундренные, семейские, бухтарминцы, кержаки, донские казаки, семиречи и др.) носили различные наименования: этнические подразделения, этнотерриториальные группы, областные группы и др. В начале 1970-х годов применительно к группам в составе этноса, отличающимся особым самосознанием, выражающимся в названии, спецификой традиционной культуры, особенностями языка и внешнего облика (Бромлей 1983: 83), Ю. В. Бромлей ввел в научный оборот термин «субэтнос». Этот термин был принят отечественными исследователями, о чем говорит академическое издание в 1986 г. сборника статей «Субэтноты в СССР» (Субэтноты 1986). В энциклопедии «Народы России», изданной в 1994 г., было дано определение понятию «субэтническая группа»: «общность людей, составляющая часть этноса, занимающая компактную территорию и обладающая в силу этого культурной и языковой спецификой и элементами общего самосознания этнического» (Народы 1994: 461).

Однако в работах, посвященных внутренним подразделениям русского народа, имеющим этноспецифику, указывается разное их число. Проблема заключается в трудности отграничения собственно субэтнических групп от групп, имеющих названия сугубо территориального характера. Сложность выявления субэтносов в составе этноса усугубляется и тем, что процесс их формирования, а затем растворения в общем массиве этноса нередко носит текущий характер. Поэтому однозначно утверждать, что данная группа, имеющая свое название, представляет собой субэтническое образование, в ряде случаев затруднительно (Бузин 2008: 313, 315).

В 2008 г. В. С. Бузин и С. Б. Егоров обосновали выделение субэтносов «в соответствии с факторами их образования, поскольку именно они определяют наиболее существенные характеристики групп русского населения такого рода» (Бузин 2008: 316–317). Основным фактором формирования субэтносов русских исследователи определили колонизацию новых территорий, массовость которой «имела разные виды – и переселение небольших групп, отры-

Астраханские казаки. Конец XIX в.

вавшихся от основной части этноса, и постепенное просачивание в иноэтничную среду небольшими, фигурально выражаясь, ручейками, и мощное колонизационное движение, охватывающее значительные регионы, очень скоро становящиеся этнической территорией русских» (Бузин 2008: 317). Кроме различий, определяемых исходными районами колонизации, на процесс образования субэтносов «влияти социальная (сословная) и конфессиональная специфика мигрантов». Так, казачество, по мнению В. С. Бузина и С. Б. Егорова, изначально образовывалось в ходе миграции на новую территорию и частичного смешения популяционно и в культурном отношении с иноэтничным населением, а впоследствии эти факторы были дополнены сословной спецификой (Бузин 2008: 317). Исследователи выделили семь типов субэтносов русского народа, отнеся к шестому типу группы казачества (Бузин 2008: 338–340).

В статье предпринята попытка характеристики субэтнической составляющей одной из групп русского населения Волжского Понизовья – астраханского казачества.

Оформление астраханского казачества происходило сложным путем. На первом этапе (1737–1817 гг.) ведущими факторами выступали отрыв от основной массы русского этноса и взаимодействие с представителями соседних народов – калмыками и татарами. Именно астраханское казачество с момента расселения его станицами от Черного Яра до Астрахани обеспечило со второй половины XVIII в. интенсивную колонизацию Нижней Волги, поскольку гарантировало безопасность русских переселенцев от набегов кочевников и нападений разбойничьих шаек. По мнению авторитетного историка П. В. Казакова, «астраханские казаки были первопроходцами в земледельческом освоении сухих степей и полупустынь Нижнего Поволжья» (Казаков 1999: 117), и как пионеры «оседлого образа жизни на Нижней Волге, выработали наиболее рациональные методы хозяйствования в условиях полупустынной зоны, воспринимаемые в дальнейшем переселенцами из других регионов России» (Казаков 1999: 120). В начальный период формирования астраханского казачества значительную роль играл приток выходцев из соседнего Донского казачьего войска, учитывая и казаков бывшего Волжского войска, происшедших от переселенных на Волгу донцов.

На втором этапе (1817 – середина XIX в.) фактором интегративных процессов послужила социальная специфика в виде статуса военно-служилого сословия в составе населения Волжского Понизовья. Консолидация астраханского казачества в единую группу началась в рамках созданного в 1817 г. Астраханского казачьего войска, куда вошли казаки станиц Астраханского казачьего полка от Казачебугуровской

до Грачевской; городовые казаки Красноярской, Черноярской, Царицынской и Саратовской команд, а также остатки бывшего Волжского казачьего войска, переселенного в конце XVIII в. на Кавказскую линию (Бирюков 1911: II). Замкнутость созданной войсковой организации была окончательно оформлена Положением об Астраханском казачьем войске 1845 г. В Положении отмечалось, что «основание народонаселения Астраханского казачьего войска составляют собственно Астраханские казаки», и «по недостатку в войске земель, прием в оное сторонних лиц впредь воспрещен» (ПСЗРИ 1846: 81). «Все поступившие в войско люди остаются с потомством в войсковом сословии навсегда», – указывалось в Положении (ПСЗРИ 1846: 82). Основную роль в демографическом развитии стал играть естественный прирост казачьего населения.

На третьем этапе (вторая половина XIX – начало XX в.) важнейшими факторами явились складывание героической традиции служения, влияние социальной и экономической привилегированности, поддержание войском казачьих традиций в окружении мещанско-крестьянского и иноэтничного населения, накопление опыта хозяйствования в непростых природных условиях Волжского Понизовья. Эти факторы способствовали стремлению развиваться шире сословных рамок, оформлению самосознания и особенностей традиционной культуры. В 1900 г. население Астраханского казачьего войска составило около 34 тыс. человек (из них около 4,4 тыс. (13%) – иногородние). Население войска проживало в 59 населенных пунктах, расположенных вдоль течения Волги от Астрахани до Саратова (14 станиц, города Саратов, Царицын, Черный Яр и Красный Яр, 41 земледельческий хутор и рыболовецкий поселок). Большинство казаков считались великороссами православного вероисповедания, кроме того в составе астраханского казачества имелось около 700 старообрядцев («приемлющих священство»), суботников и молокан, около 700 крещеных калмыков, около 300 татар-мусульман (Антропов 2013: 15).

Важнейшим признаком этнического характера явилось наличие у астраханцев своей войсковой территории. Земли Астраханского казачьего войска не составляли сплошной площади и были расположены в пределах Астраханской, Саратовской и Самарской губерний чересполосно с землями русских крестьян, калмыков и частных владельцев. Тем не менее, как справедливо отмечал дореволюционный историк астраханского казачества И. А. Бирюков, войсковая территория считалась «цельной сплошной площадью» и в состав упомянутых губерний не входила (Астраханские 1904: 131). Осознание этнокультурных особенностей своего территориально-географического пространства проявлялось в том, что оно было

Иван Алексеевич Бирюков

URL: <https://proza.ru/2024/03/18/256>

(дата обращения 12.09.2025)

плотно освоено народной топонимией астраханцев. Сеть названий отражала этнокультурную специфику и народную историю астраханского казачества, поскольку казачьи топонимы имели не только официальное, но и устно-легендарное наименование. Так, происхождение названия ст. Копановской, основанной в 1766 г., обычно связывали с русским словом *окоп*, *копань* – ров, окружавший станицу. Однако согласно местному казачьему преданию, мимо здешних мест проплывал на струге Степан Разин. Судно было повреждено, и атаману пришлось оставить его на берегу. К моменту основания станицы от струга сохранилась лишь *копань* – элемент шпангоута. Копани составляли скелет судна, к ним крепились боковые доски и поперечные переборки (Астраханское 2015: 283).

Наименование ст. Дурновской связывали с переселенцами с р. Хопер из одноименной ст. Дурновской. Но у местных казаков было свое объяснение, опять связанное с именем Степана Разина. Местное топонимическое предание рассказывает, что мятежный атаман, проплывая здесь на стругах со своими сподвижниками, хотел пристать к берегу, но из-за сильного течения не смог этого сделать. Поэтому он прозвал этот участок реки «дурным» (Астраханское 2015: 284).

Происхождение названия ст. Михайловской официально связывали с иконой во имя Святого Архангела Михаила, которую принесли енотаевские казаки, основавшие станицу в 1833 г. Сами михайловцы называли свое поселение Волочаевка и объясняли неофициальное наименование тем, что при отсутствии в станице магазина посещали лавку в с. Сасыколи, откуда *волочили* покупки (Кирикосьян 2023: 55).

Совместное проживание и служба, общие хозяйственные заботы постепенно нивелировали этнокультурные различия между бывшими донскими, астраханскими и волжскими казаками, родовыми служилыми людьми, способствовали их сближению в рамках войсковой территории, способствовали появлению инноваций в традиционной культуре нового сообщества. Так, в ст. Дурновской, по свидетельству М. С. Сычева, донской элемент первых переселенцев в начале XX в. был не выражен, «в бытовой жизни господствовали стрелецко-ловецко-калмыцкие традиции, то есть астраханские черты» (Сычев 2013: 111–112).

Результатом адаптации астраханских казаков к природной и социальной среде Волжского Пониговья стала традиционная культура, которая формировалась на базе локальных вариантов донской казачьей, городской и крестьянской культур во взаимодействии с культурой калмыков и татар. Этнокультурная специфика прослеживается в появлении инновационных текстов и ритуалов, отличающихся от известных на территориях метрополии. Значительные изменения претерпели обряды жизненного цикла. Так, учитель Михаил Астахов, написавший очерк о свадебных обычаях астраханских казаков в 1892 г., отмечал, что «патриархальность в последние годы, с развитием отхожих промыслов на рыболовные рыбные ватаги, где молодежь «культивируется» в особом роде – исчезает» (Астахов 1892: 3). Упрощение свадебных обрядов астраханцев к началу XX в. отмечают и другие авторы: «Свадьба астраханских казаков выгодно отличалась от деревенских свадеб других местностей России меньшим числом других условностей, были более естественными и увеселения» (Горбунов 2002: 154).

Особенностью астраханской казачьей свадьбы, не встречающейся на Дону и в русских крестьянских селениях Волжского Пониговья, является специфическое поведение «гордых» («гордых») – родственников со стороны жениха (позднее, в XX в. – родственники со стороны невесты) (Сызранов 2014: 365). Описывая свадебные обычаи ст. Замьяновской, А. В. Жмурова отмечала: «Раньше 21.00–22.00 свадьбы, как правило, не начинались. Особенно долго ждали «гордых» (с ударением на втором слоге), самых близких родственников невесты».

сты. И тем позднее они приходили, чем более уверены были в непорочности своей дочери и племянницы, чем богаче они считали себя родни жениха, чем больше гордились своим родом и знатностью. Пока «гордые» не придут, застолья не будет, свадьба как таковая не начнется. Старожилы вспоминают случаи, когда «гордые» приходили за полночь. Все нервничают, невеста плачет, гости танцуют «насухую», родители жениха, в который раз, посылают кого-то из родни за «дорогими гостями», а те из каких-либо соображений (особенно, если шли на мезальянс) не торопятся. А когда придут, не станут без особенного приглашения и уговоров выпивать первую стопку. Старики называют свадьбы, на которых «гордых» кто-либо из родственников жениха, чаще всего, крестная мать, упрашивали выпить за молодых, стоя на коленях» (Жмурова 2011: 22).

Имелись особенности и в похоронно-поминальной обрядности. Так, казаки ст. Грачевской «хоронили своих покойных особым способом: в могиле для мужчины вырывали боковую нишу с правой стороны, для женщины – с левой» (Сызранов 2014: 366).

В отличие от метропольных донских станиц, большая часть которых возникла еще в XVII в., возводилась без определенного плана и представляла собой часто кучу домов, рассеянных по берегу реки или по балке, астраханские станицы строились централизованно и имели регулярную планировку (Казаков 1999: 138). П. В. Казаков отмечал, что «отличительной особенностью казачьих дворов от оседлого населения Нижней Волги являлось отсутствие огорода, а порой даже деревьев, поскольку для садов и огородов выделялись особые участки близ реки» (Казаков 1999: 140). По внешнему виду жилище астраханских казаков было сходно с крестьянским, однако отличалось внутренним устройством: построение комнат было круговым – вокруг печи в центре дома. Такое устройство в Волжском Понизовье считалось «казачьим» (Астраханское 2015: 290–291). В отличие от донцов астраханские казаки мало практиковали обмазку стен дома глиной (Казаков 1999: 139). Украшением каждого казачьего двора служила вырезанная из дерева фигура белорыбицы, водруженная «на мачте» (высокой жерди) в качестве флюгера (Сычев 2013: 119). Это являлось своеобразным символом одного из главных занятий местных казаков.

Этномаркирующими элементами у мужчин в одежде являлись фуражка с желтым околышем и штаны с желтыми лампасами. «Когда казак хотел выделиться, – пишет астраханский этнограф А. В. Сызранов, – он не только в праздничный, и в будний день надевал штаны с лампасами» (Сызранов 2014: 362). Правда, в пригородных станицах, отмечал Л. В. Македонов в 1906 г., «желтые околыши, пояса и лампасы – только

у должностных лиц, в станичном правлении, да и то – не всегда» (Македонов 1906: 144), однако даже в первые десятилетия советской власти астраханцы предпочитали носить фуражки, папахи и гимнастерки (Сызранов 2014: 363). Казаки демонстративно не употребляли плетеной крестьянской обуви, используя кожаную и прежде всего сапоги (Казаков 1999: 136).

Этномаркирующую роль играл и кожаный пояс с набором. Один из первых историков Астраханского казачьего войска полковник В. В. Скворцов отмечал в 1890 г.: астраханцы подпоясывают бешметы «ремнем, украшенным серебряными или оловянными бляхами» (Скворцов 1890: 370). К. М. Перфильева вспоминала, что «обязательной принадлежностью казака-извозчика был красный кушак, оборачивающий пояс казака в 2–3 раза. Таким поясом казаки отличались от других извозчиков не казаков» (Перфильева, Важова 1997: 53).

В традиционной системе питания астраханских казаков особенностью являлось преобладание различных рыбных блюд. Астраханцы рыбу «варили, жарили, коптили, вялили, из рыбного филе готовили котлеты, пироги с рыбой (особенно из судака, сазана)», пекли «пироги с вязигой (высушенной хордой, добываемой из осетровых), с картофелем и "вялехой" (сушеной рыбой – сазаном или судаком, которую очищали, разрезали пополам и варили)», ели также «жареную черную икру» (Сызранов 2014: 363). Маркирующим был пирог из судака с мелкими косточками, когда нарезали рыбу кусочками, пережаривали, и затем клали эту начинку в тесто. Такой пирог называли «казачьим».

Своеобразной чертой семейного уклада астраханских казачек являлась их относительная свобода по сравнению с крестьянками. В. В. Скворцов указывал: «Бытовое положение женщины в Астраханском казачьем войске много лучше такового же у крестьян, так что крестьянин, выдавая дочь за казака, выражается, что его дочь делается дворянкою». И далее: «Выражая этим словом, что в домашней обстановке и вообще в быте казака, сравнительно с той чернотой, какая часто существует в избах (иногда курных) крестьян, видна повсеместно склонность и стремление к изысканности и опрятности, а случаи грубого обращения с женщиной у казаков очень редки» (Скворцов 1890: 146).

В местных природных условиях трансформировалось содержание казачьих песен донского происхождения. Так, в песне о помощи казаков царю Ивану Грозному под Казанью упоминается не Турецкое море или река Камышинка, а Волга и Каспий: «Как на море было / На синиим, на Каспийском, / На усть-матушки на Волге, на быстрой реке, / Как на славном было острове Шимашиинским» (Былины 1: 6–7).

В астраханском варианте известной на Дону песни «Ермак уговаривает казаков к походу в Сибирь» присутствует запев: «Как на славных было на степях Саратовских, / Что по ниже было города Саратова» (Былины 1: 10). В песне ст. Дурновской о Степане Разине разинцы поют песню, «что певали на синем море на Каспийском» (Былины 1: 26). В варианте донской песни о татарском полоне, записанной в ст. Пичужинской Астраханского войска, «как по морю-то было / моречку было Каспийскому» (Былины 1: 99). В варианте известной казачьей песни «Скакал казак через долину» у астраханцев присутствует уточнение – «через Каспийские поля» (Былины 2: 40).

Материальную культуру астраханских казаков, их язык, песенный и прозаический фольклор затронула межэтническая культурная диффузия. С одной стороны, культура астраханцев уходила корнями в культуру Донского казачьего войска, с другой – подвергалась заметному влиянию окружающего неказачьего населения, проникновению элементов мещанской (городской) и крестьянской культур (Антропов 2013: 23–24). Так, в пристрастии астраханских казаков к резным украшениям фасадов жилищ явно прослеживается влияние соседей-крестьян, выходцев из богатых лесом губерний (Казаков 1999: 139).

Определенное влияние на культуру астраханцев оказали традиции калмыков и татар, проживавших по соседству, а частью и входивших в состав войска. В низовых станицах войска распространенным напитком был кирпичный калмыцкий чай, который приготавливался с молоком, маслом, иногда с добавлением мускатного ореха. Широко употреблялась обычная принадлежность калмыцкого чая – *тогуши* (круглые крендели, выпекаемые казачками, разновидность калмыцких *борцогов*) (Казаков 1999: 136). Астраханцы с удовольствием готовили татарские *кайнары* – круглые пирожки с мясом, похожие на беляши (Антропов 2013: 23), варили пирожки с мясом, очень похожие на калмыцкое блюдо *бёрг* (Казаков 1999: 136). В астраханской лексике присутствовали слова, заимствованные из татарского и калмыцкого языков: *башка* – голова, *строить Джангар* – рассказывать (от калмыцкого героического эпоса «Джангар»), *джангарщик* – рассказчик (Антропов 2013: 23), татарские слова *ясырь* – пленные, *аманат* – заложник; калмыцкие *тайша* – калмыцкий старшина, *шерть*, *шертовать* – присяга, присягать и др. (Новикова 2015: 109).

Важным признаком этнокультурной общности выступает наличие диалектных особенностей. К сожалению, системного обследования говора астраханских казаков диалектологами не проводилось, отмечались лишь результаты некоторых наблюде-

ний и предположений. Этномузыколог К. В. Гузенко предполагает, что «говор астраханских казаков диалектологически относится к группе так называемых переходных, среднерусских, отмечая при этом в нем южнорусский вокализм (артикуляция гласных звуков) донской традиции» (Гузенко 2009: 19). Однако С. М. Сычев в своей работе о ст. Дурновской отмечал, что «станичники испокон веку говорили и говорят на традиционном для Астраханского края северорусском “окающем” наречии, а не на южнорусском “акающем”, как на Дону» (Сычев 2013: 111–112). Свои особенности имелись у казаков II отдела, подверженных влиянию городской культуры Нижнего Поволжья. Жительница хут. Букатина, вспоминая, что ее отец «требовал петь так, как это было у астраханских казаков», отметила: «У астраханских казаков не было каких-то отклонений в речи, ударениях и словах: говор их городской, царицынский» (Перфильева, Важова 1997: 55).

Специфику диалекту астраханцев придавала рыболовецкая лексика, отразившая своеобразие природы, быта, верований, условий рыбацкого труда в Волго-Каспийском крае: *аламан* – обкидной невод, которым производится обметывание стай рыб в море с двух судов; *бракаш* – браконьер; *галанить* – грести одним веслом, стоя на корме лодки; *езез* – заграждение на реке для ловли рыбы; *завозня* – лодка, на которой везут невод перед заметом; *зюзьга* – черпак из сети на обруче для выливки рыбы; *лопаста* – русалка, живущая в камышах, и др. (Лосев 2007: 7, 29, 50, 65, 74, 82, 120). Известным, казалось бы, по всему Югу России словам астраханцы нередко придавали свое значение. Так, вплоть до 1930-х годов они деликатно разделяли понятия «ловец» и «рыбак». Астраханцы называли себя ловцами, поскольку за понятием «рыбак» закрепилось местное значение «торговец рыбой», «скупщик» (Кусмидинова 2014: 184). В местном наречии немало выражений, смысл которых понятен лишь жителям этого ловецкого края: *махалку показала* (*махалка* – хвостовой плавник крупной рыбы, в данном случае *махалку показать* – распрощаться); *судочья башка* (поскольку *судок* (*судак*) считался у астраханцев рыбой «царских кровей», то *судочья башка* – человек благородный, с достоинством); *тарашкой сделался* (*тарашка* – рыба, которую раньше астраханцы считали «сорной»: тарань, лещ, густера, сапа и др. Поэтому в данном случае – стал плохим, никчемным человеком); *холодно, как в выходе* (выход – подвал с льдохранилищем) (Кусмидинова 2014: 183–184).

Таким образом, несмотря на слабую изученность говора астраханских казаков, отдельные свидетельства говорят о постепенном формировании лексики инновационного характера, определяющей своеобразие астраханцев.

В результате этнокультурных процессов объединительного характера во второй половине XIX в. оформляется самосознание субэтнической группы русских в Волжском Понизовье, представленное в самоназвании «астраханцы», «астраханские казаки». Последнее отразилось в официальном делопроизводстве, в обращениях казаков к власти, в быту, в фольклоре и др. Так, А. А. Догадин, зафиксировавший в астраханских станицах устные рассказы казаков, привел немало примеров использования этого самоназвания. Урядник Красноярской станицы Андрей Григорьевич Тристоногов говорил: «Из наших **Астраханцев** три казака были убиты и четверо погибли от чумы» (Рассказы 1908: 2). Замьяновской станицы казаки Иван Вилявин и Петр Багаев: «Так претерпел мученический венец один из многих славных сынов **астраханского казачества** <...> Замьяновец, урядник Ширяев» (Рассказы 1908: 19). Из рассказа урядника 1-й сотни Алексея Хрисановича Белова: «Был выслан летучий отряд из полусотни **астраханцев**, в котором состоял и я» (Рассказы 1908: 38). В другом рассказе, желая проверить боеготовность казаков, «Скобелев подъехал к сотне и сказал: “**Астраханцы!** Я неприятельский джигит, везу своим важно донесение, поймать меня!”» (Рассказы 1908: 45). 5 апреля 1881 г. «по городу пронеслась весть: “**Астраханцы** идут домой!”» (Рассказы 1908: 49). В лирической песне «Посею лебеду» девушка-казачка мечтает: «Скакала-б, плясала б, по горам, / По зеленым дубравушкам / С **Астраханским молодым казачком**, / С разудалым добрым молодцем» (Былины 2: 68). В песне ст. Замьяновской о пленении Шамиля говорится: «Прилетел орел крылатый / Со восточной стороны: / Орденами весь сияет / И корона на груди. / Сказал: “Здравствуй, **Астраханцы!** / Все какие молодцы”» (Былины 1: 51). В исторической песне о поражении турок при Деве-Бойну «**астраханцы**-молодцы бросились на шашки» (Былины 1: 70). В тексте о походе 2-го Астраханского казачьего полка на войну 1877–1878 гг. говорится: «Вот пришла доля и нам / **Астраханцам** молодцам» (Былины 1: 73).

Интересно, что новое самосознание проявляется в текстах, записанных в начале XX в. в станицах, основанных донскими, волжскими, городскими казаками. Так, урядник Н. М. Гончаров, выходец из Царицынской станицы, рассказывал собирателю: «Мы в числе восьми **казаков-астраханцев** отправились на водопой» (Рассказы 1908: 17). В ст. Дурновской, заселявшейся донскими казаками, А. А. Догадин записал такой текст о походе в Туркестан в 1887 г.: «Мы три года дожидались / Себе смены из Керков / Сильно билось ретивое / **Астраханских казаков**» (Былины 1: 85).

Александр Адрианович Догадин

URL: <https://catalog.folc.ru/folklorists-and-ethnographers/folkloristy-i-etnografy-18-19-vv/dogadin-aleksandr-andrianovich-1870-1869-1917-ili-1920-e-gg/>

(дата обращения 12.09.2025)

Отражение астраханского самосознания в фольклорных текстах было зафиксировано в станицах Пичужинской и Александровской, где проживали потомки казаков Волжского войска. В обеих станицах бытовал текст о Шамиле, который «хотел живьем забрать храбрых **астраханцев**», но «**Астраханцы** – молодцы / Все в ружьях стояли» (Былины 1: 43). В песне ст. Пичужинской о переправе через Дунай император спрашивает казаков: «Вы здоровы ли, мои казаченьки, / Вы детушки! / Э-х, **Астраханцы**, братцы-молодцы» (Былины 1: 57).

В ст. Александровской была записана песня о Кокандском походе, где: «ночи темны, тучи грозны / По поднебесью плывут; / Наши храбры **астраханцы** / под Кокан город идут» (Былины 1: 81). В той же Александровской станице бытовал текст: «Нас начальники любили, / Словно родные отцы, / А мы храбры **астраханцы**, / Одним словом, молодцы» (Былины 1: 81). В ст. Пичужинской отождествление себя с астраханцами представлено на фоне других казачьих войск: «Донцы, гребенцы со **астраханцами** “сочинили батальице” с храбрыми турками»

Семья Елены Дмитриевны Багаевой. Ст. Замьяновская. Начало XX в.

URL: <https://kazaksbugra.ru/stanitsa-zamyanovskaya-astrahanskogo-kazachego-voyska.html> (дата обращения 12.09.2025)

(Былины 2: 33). Осознание себя неразрывной частью астраханского казачества прочно вошло в картину мира бывших волжцев. Показателен пример, когда в 1917 г. на одном из казачьих кругов представитель II отдела войска, где проживали потомки волжских казаков, высказал желание о переименовании Астраханского войска в Волжское, земляки напомнили ему об «исторических заслугах» астраханцев. В результате делегат-инициатор отказался от своего предложения (Антропов 2013: 60–61).

По свидетельству жителей хут. Букатина, проживавшие здесь потомки царицынских казаков в начале XX в. уже называли себя астраханскими казаками (Перфильева, Важова 1997: 47–55).

Осознавая свое отличие от массы окружающих их крестьян и городских жителей Волжского Понизовья, астраханцы в то же время ощущали себя неразрывной составляющей русского народа. Поэтому в сравнении с другими этническими и социальными группами казаки обладали двойным самосознанием: русские и астраханцы. «Русскость» смыкалась с идеей государственности: казаки принимали самое активное участие в территориальном строительстве России, охране ее рубежей.

Субэтническая идентичность проявлялась в стремлении сохранить остатки казачьего самоуправления, исторически обосновать их, мобилизовать казачье самосознание. Это нашло отражение в деятельности астраханской казачьей интеллигенции, прослойка которой складывается в войске к началу XX в. Учителя, врачи, чиновники, офицеры, священники вели работу по изучению и популяризации истории и культуры астраханцев, активно участвовали в общественной жизни края. Подвижником собирания народных песен стал войсковой старшина Александр Адрианович Догадин (1870–1918). Он происходил «из казачьего звания» ст. Александровской, окончил Оренбургское казачье юнкерское училище (ГААО 26195: 1 об.), служил в 1-м Астраханском казачьем полку в Туркестане. А. А. Догадин входил в состав особой комиссии Астраханского казачьего войска, собиравшей тексты исторического и культурного наследия астраханцев. Комиссия в 1902 г. командировала «подъесаула 1-го Астраханского казачьего полка Догадина, большого любителя и знатока песни, в станицы войска» (К вопросу 1902: 2). С фонографом в руках А. А. Догадин объездил все станицы и

хутора войска, записал рассказы, песни и былины казаков (*Самаренко* 1963: 302). В 1908 г. собиратель опубликовал сборник устных рассказов и преданий астраханских казаков, в 1911 г. – два выпуска «Былины и песен астраханских казаков» (Рассказы 1908; Былины 1; Былины 2).

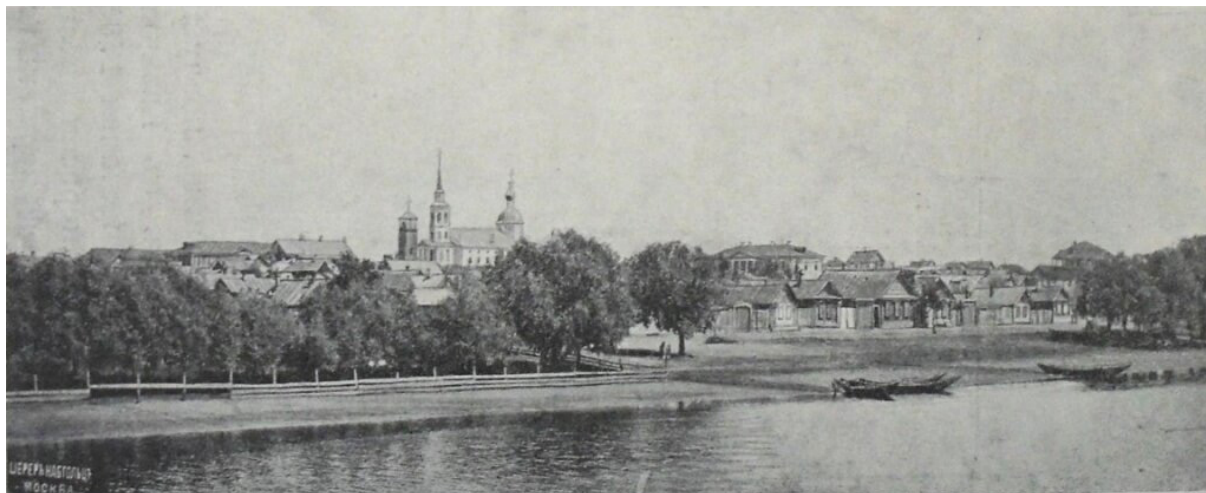
Член Русского географического общества священник Иаков Казмин составил в 1849 г. рукопись «Этнографические сведения о станице Сероглазинской Енотаевского уезда» (Иаков Казмин 1849). Учитель ст. Ветлянинской Михаил Астахов опубликовал в 1892 г. в нескольких номерах «Астраханского вестника» обстоятельный очерк «Свадебные обычаи в казачьих станицах Астраханского войска» (*Астахов* 1892: 3).

Важное значение имело осмысление исторического опыта астраханского казачества и его места в истории России. Одним из историков астраханцев стал полковник (по выходе в отставку – генерал-майор), сын первого войскового атамана Василий Васильевич Скворцов (1824–?), издавший в 1890 г. «Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска». Несмотря на то, что официальный стиль статистического описания не предполагал выражения симпатий, они постоянно проскальзывают в сухом, казалось бы, изложении сведений о географии, занятиях, промыслах, материальной культуре астраханцев. В. В. Скворцов отмечал, что астраханские казаки «весьма деятельны и предприимчивы». Так, он высоко оценивает историческую роль казачества в освоении Волжского Поволжья: «С этими условиями только и могли они преодолеть те невзгоды, которые были причинами, что край, завоеванный Царем Иваном Грозным в 1554 году, не был заселен до 1765 года, исключая Царицына, Черного Яра, Красного Яра и Енотаевска, 4-х незначительных пунктов, заселенных в середине и в конце 17 столетия и служивших до водворения казаков местами обороны от степных хищников, но отнюдь не источниками тех выгод, какие ныне приносит поволжское низовье. В настоящее время станицы Астраханского войска суть бойкие по трудолюбивой деятельности пункты, и жители их считаются одними из безбедных поселенцев Империи» (*Скворцов* 1890: 363–364).

Классиком казачьей историографии в Астраханском войске стал Иван Алексеевич Бирюков (1856–1919), уроженец ст. Грачевской, известный историк и общественный деятель, последний наказный атаман, генерал-майор. Сохранившаяся в Государственном архиве Астраханской области переписка историка говорит о глубоком изучении им архивных материалов, стремлении тщательно исследовать прошлое «родного войска» (ГААО 189: 180, 201, 202, 319). В 1894 г. вышла его небольшая

книга «Войсковой благородный пансион Астраханского казачьего войска», посвященная юбилею этого знакового для астраханцев учебного заведения, в 1901 г. – «Служба астраханских казаков на кордонных постах против киргиз-кайсаков». Однако самым значимым вкладом в астраханскую казачью историографию стала трехтомная «История Астраханского казачьего войска», которую И. А. Бирюков писал 8 лет. Первый том посвящен становлению и организационной структуре войска, второй дает развернутую характеристику войскового хозяйства, казачьих станиц, землевладения и населения, третий том посвящен истории военной службы астраханских казаков. Главную заслугу войска И. А. Бирюков видел в освоении и защите края. Астраханское казачество, отмечал он, «со всем усердием и преданностью Царю и Отечеству трудилось, главным образом, на пользу заселения Астраханского края, охраняя в нем порядок и безопасность, без которых немислимо было мирное преуспеяние оседлости. Эта долговременная деятельность и составляет главную заслугу войска» (*Бирюков* 1911: VII). Для труда И. А. Бирюкова характерен официальный подход к истории астраханского казачества без выделения этнокультурной самобытности последнего (*Казаков* 1999: 6–7). Однако систематическое изложение истории астраханских казаков, институтов и атрибутов самоуправления и войскового хозяйства, традиций служения формировало гордость за прошлое и настоящее астраханцев.

Астраханская идентичность поддерживалась через войсковую систему образования. При наказном атамане М. А. Газенкампе было издано распоряжение об обязательном изучении истории Астраханского казачьего войска в городском и во всех станичных училищах. Встал вопрос «о составлении для казаков специальных учебников по войсковедению для развития духовно-нравственных качеств, разъяснения понятий о Родине» (Астраханское 2015: 272). Эту задачу взял на себя И. А. Бирюков, который в 1904 г. издал книгу для чтения в школе и на дому «Астраханские казаки». В кратких рассказах, доступным языком историк изложил основные вехи прошлого астраханцев, особенности их формирования, освоения края, подвиги в многочисленных войнах, которые вела Россия, привел тексты песен и стихотворений (в том числе собственного сочинения), сведения о самоуправлении, бытовых особенностях, религии и др. Книга была и методически выверена: «автор пользовался весьма ценными указаниями Инспектора Станичных училищ Михаила Емельяновича Маслова» (Астраханские 1904: I). Для казаков, находящихся на службе, И. А. Бирюков составил в 1912 г. «Памятку астраханского казака о родных полках своего войска».

Станица Казачебугровская. 1903 г.

URL: <https://pastvu.com/p/2201375> (дата обращения 12.09.2025)

В книге для чтения «Астраханские казаки» были опубликованы рассказы «Отправление молодых казаков на службу» и «Есаул В. Ф. Скворцов» Николая Артемьевича Маслова (1861–1933), свидетельствующие о зарождении казачьей художественной литературы. Уроженец ст. Александро-Невской, он служил на ниве просвещения родного войска, был председателем комиссии по собиранию казачьих песен (Пугачев 2017: 101).

В начале XX в. станичные и хуторские общества войска содержали 44 училища и церковно-приходских школы, где обучались более 2300 человек. Для обучающихся в астраханских гимназии и реальном училище был учрежден войсковой пансион на 30 воспитанников. Казаки открыли 30 общественных библиотек, проводили общественные «народные чтения» (прежде всего – художественной литературы). В результате астраханцы отличались высоким уровнем грамотности: среди казачьей молодежи к началу XX столетия грамотность достигала 87% (Антропов 2013: 25). Военное образование дети астраханских офицеров и чиновников получали в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе и Оренбургском казачьем юнкерском училище, гражданское – в высших учебных заведениях России.

Под влиянием героической казачьей традиции, сословного статуса, сложившейся традиционной культуры значительная часть астраханских станичников гордилась званием казака, стремилась к сохранению и поддержанию казачьего духа, воспитывала его в подрастающем поколении. Представляется, что совокупность описанных явлений позволяет говорить о формировании в Волжском Понизовье во второй половине XIX – начале XX в. русской субэтнической группы – астраханских казаков.

События Великой российской революции способствовали активизации казачьей общественной жизни, яркому проявлению казачьего самосознания (Антропов 2013: 54). Астраханцы ожидали от революции решения своих наболевших проблем – облегчения военной службы, увеличения земель, ликвидации сословных ограничений и полицейских обязанностей, решительно выступили за расширение самоуправления. Ощущая себя частью особой этнокультурной общности, астраханцы поддерживали идеи создания казачьей государственности, казачьей армии (Антропов 2013: 59). Однако неудержимый революционный поток, втянувший станичников в кровавое противостояние, смел остатки казачьей самобытности в полиэтничных Астраханской и Саратовской губерниях. Станицы были переименованы в села: негласная столица войска ст. Казачебугровская – в пос. Фридриха Энгельса, ст. Дурновская – в с. Рассвет, ст. Пичужинская в с. Пичугу, Лебяжинская в с. Верхнелебязье, ст. Копановская в с. Копановку и т. д. В 1920–1930-е годы астраханцы постепенно утратили субэтнический статус, ассимилируясь среди общей массы русских Нижнего Поволжья и перековываясь в советских колхозников, рабочих и интеллигенцию. Казачье самосознание сохранялось лишь на уровне семейной памяти, песенной культуры, элементов традиционной обрядности. Не способствовал обретению потерянного субэтнического статуса и драматический процесс возрождения казачества в Астраханской обл., вылившийся с переходом к огосударствлению казачьих организаций в борьбу за посты и выделяемые материальные ресурсы. В результате дразг и взаимных склок астраханские реестровые казаки утратили самостоятельность

и вошли в состав Войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское».

Подведем итоги. Астраханское казачество вписало в этническую историю русского народа яркую и самобытную страницу. Обеспечив безопасность края и освоив нелегкие методы хозяйствования в сложных природных условиях, казаки способствовали активной российской колонизации Нижней Волги и Прикаспия. Создание Астраханского казачьего войска, консолидационные этнические процессы, формирование единого этнокультурного пространства в рамках войсковой территории, отстаивание традиций самоуправления и духовной

самобытности способствовали появлению развитого самосознания, выраженного в самоназвании «астраханцы», «астраханские казаки». Являясь частью материнского русского этноса и в то же время обладая этнокультурными особенностями, астраханское казачество в выражении своей идентичности проявляло двойственный характер, актуализируя в годы социальных преобразований государственную, общенародную или местную субэтническую составляющие. Драматические события и модернизационные процессы XX в. привели к утрате субэтнического статуса и слиянию астраханцев с русским населением Поволжья.

Источники и материалы

Астахов 1892 – Астахов М. Свадебные обычаи в казачьих станицах Астраханского войска // Астраханский вестник. 1892. № 749.

Былины 1 – Былины и песни Астраханских казаков. Вып.1 / собрал А. А. Догадин; под ред. Н. С. Кленовского. Астрахань, 1911.

Былины 2 – Былины и песни Астраханских казаков. Вып. 2 / собрал А. А. Догадин / под ред. Н. С. Кленовского. Астрахань, 1911.

ГАОО 189 – Государственный архив Астраханской области. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 189.

ГАОО 26195 – Государственный архив Астраханской области. Ф. 94. Оп. 1. Д. 26195.

Иаков Казмин 1849 – Священник Иаков Козмин. Этнографические сведения о станице Сероглазинской Енотаевского уезда // Сайт «ФГБУ “Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина”». URL: <https://www.prilib.ru/item/1142783> (дата обращения 12.10.2024).

К вопросу 1902 – К вопросу о собирании казачьих песен // Прикаспийская газета. 1902. № 445. 17 июля.

Кирокосьян 2023 – Кирокосьян М. А. Топонимический словарь Астраханской области. Изд. 3-е, испр., дополн. СПб., 2023.

Лосев 2007 – Лосев Г. А., Кирокосьян М. А. Астраханские словечки. Астрахань: Чилим, 2007.

ПСЗРИ 1846 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XX. Отд. 1. 1845. СПб.: Тип. П. Отд. Собств. Его Вел. канц., 1846. Ст. 18600. С. 81–102.

Рассказы 1908 – Рассказы о службе астраханских казаков. Записаны А. А. Догадиным. Астрахань: Тип. С. П. Семенова, 1908.

Научная литература

Антропов О. О. Астраханское казачество. На переломе эпох. М.: Вече, 2013.

Астраханские казаки. Исторические очерки и рассказы. Географические, экономические и служебные сведения о войске / сост. И. А. Бирюков. Астрахань: Тип. Атаман. канц., 1904.

Астраханское казачество – путь сквозь века. Астрахань: Изд. дом «Астрахань», 2015.

Бирюков И. А. История Астраханского казачьего войска. Ч. 1. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1911.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

Бузин В. С., Егоров С. Б. Субэтноссы русских: проблемы выделения и классификации // Малые этнографические группы: Сб. статей, посвященный 80-летию со дня рождения проф. Р. Ф. Итса / под ред. В. А. Козьмина. СПб.: Новая Альтернативная Полиграфия, 2008. С. 308–346.

Горбунов Н. П., Кучерук И. В., Афанасьев С. М. История казачества в Астраханском крае. Учеб. пособ. для ст. кл. общеобраз. учр. нач. и средн. проф. образ. Астрахань: Нова, 2002.

Гузенко К. В. Песни астраханских казаков (Постановка проблемы и некоторые наблюдения над стилем) // 1-е Бирюковские чтения: Материалы Бирюковских чтений (16 января 2009 года). Астрахань: Гос. предпр. Астр. обл. «Изд.-полиграф. компл. “Волга”», 2009. С. 18–28.

Жмурова А. В. «Традиций сохранить родник...» (Традиции и обычаи станицы Замьяновской, связанные с бракосочетанием) // III-е Бирюковские чтения: Материалы Бирюковских чтений (25 августа 2011 года). Астрахань: Гос. предпр. Астрах. обл. «Изд.-полиграф. комплекс “Волга”», 2011. С. 16–25.

Казаков П. В. Астраханское казачество в XVIII – первой половине XIX в. (формирование, хозяйственная деятельность, быт). Дисс. ... канд. ист. наук. Астраханский государственный педагогический университет, Астрахань, 1999.

- Кусмидинова М. Х. Образ реки в языковой культуре астраханцев // Язык и культура. Новосибирск, 2014. № 11. С. 182–189.
- Македонов Л. В. Хозяйственное положение и промыслы населения станиц Астраханского казачьего войска. Историко-статистическое исследование. СПб.: Типолиграфия М. П. Фроловой, 1906.
- Народы России: Энциклопедия / под ред. В. А. Тишкова. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.
- Новикова Н. О. Разноязычие астраханского низового населения // Новая наука: проблемы и перспективы. 2015. № 6–2. С. 108–110.
- Перфильева К. М., Важова И. П. Судьбы астраханских казаков хутора Букатина Царицынского уезда (1870–1920) // Некоторые проблемы истории казачества Волгоградской области / отв. за вып. В. И. Гомулов, А. А. Бирюков. Волгоград: ред.-изд. комплекс газ. «Жирновские новости», 1997. С. 47–57.
- Пугачев Б. Г. Офицеры и чиновники Астраханского казачьего войска. 1914–1918 гг. Биографический справочник. Астрахань: Типогр. «Нова», 2017.
- Самаренко В. П. А. А. Догадин – собиратель песен астраханского казачества // Народная устная поэзия Дона (материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18–23 декабря 1961 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1963. С. 302–311.
- Скворцов В. В. Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1890.
- Субэтноты в СССР / под ред. А. В. Коновалова. Л.: ГМЭ, 1986.
- Сызранов А. В. Традиционно-бытовая культура астраханских казаков (по материалам этнографических экспедиций 2013 г.) // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей / под ред. А. А. Курапова, Е. И. Герасимиди, Р. А. Тарковой. Вып. VI. Астрахань: Изд-ль: Сорокин Р. В., 2014. С. 357–366.
- Сычев М. С. Дурновская станица // V-е Бирюковские чтения: Материалы Бирюковских чтений (13 сентября 2013 года). Астрахань: Госуд. предпр. Астрах. обл. «Издательско-полиграфический комплекс “Волга”», 2013. С. 109–120.

References

- Antropov, O. O. 2013. *Astrahanskoye kazchestvo. Na perelome epoch* [Astrakhan Cossacks. At the Turning Point of Epochs]. Moscow: Veche.
- Astrahanskoye kazachestvo – put skvoz veka* [Astrakhan Cossacks – the Path Through the Centuries]. Astrakhan: Publishing House «Astrakhan», 2015.
- Biryukov, I. A. (ed.). 1904. *Astrahanskiye kazaki. Istoricheskiye ocherki i rasskazi. Geograficheskiye, ekonomicheskiye i sluzhebniye svedeniya o voyske* [Astrakhan Cossacks. Historical Essays and Stories. Geographical, Economic, and Service Information about the Army]. Astrakhan: Type. Ataman. Kants.
- Biryukov, I. A. 1911. *Istoriya Astrahanskogo kazachyego voyska* [History of the Astrakhan Cossack Army]. Part 1. Saratov: Type. P. S. Feokritov.
- Bromley, Yu. V. 1983. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnos]. Moscow: Nauka.
- Buzin, V. S., and S. B. Egorov. 2008. Subetnicheskiye gruppi v Rossii: problem identifikatsii i klassifikatsii [Subethnic groups of Russians: problems of identification and classification]. In *Malye etnograficheskiye gruppy: Sbornik statei, posvyashchennyy 80-letiyu so dnya rozhdeniya professora R. F. Itsa* [Small ethnographic groups: Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of prof. R. F. Its], ed. by V. A. Kozmin, 308–346. St. Petersburg: New Alternative Printing.
- Gorbunov, N. P., I. V. Kucheruk, and S. M. Afanasyev. 2002. *Istoriya kazachestva v Astrahanskom krae* [History of the Cossacks in the Astrakhan Region]. Astrakhan: Nova Publishing House.
- Guzenko, K. V. 2009. *Pesni astrahanskikh kazakov (Postanovka problem i nekotoriye nabludeniya nad stilem)* [Songs of the Astrakhan Cossacks (Statement of the Problem and Some Observations on the Style)]. In *Pervye Biryukovskie chteniya: Materialy Biryukovskikh chtenii (16 yanvarya 2009 goda)* [1 Biryukov Readings: Materials of the Biryukov Readings (January 16, 2009)]. Astrakhan: State Enterprise of the Astrakhan Region «Volga Publishing and Printing Complex».
- Kazakov, P. V. 1999. *Astrahanskoye kazachestvo v 18 – pervoy polovine 19 v. (formirovanie, hozystvennaya deyatel'nost, bit)* [Astrakhan Cossacks in the 18th – first half of the 19th century (formation, economic activity, everyday life)]. PhD diss., Astrakhan State Pedagogical University.
- Kononov, V. L. (ed.). 1986. *Subetnosy v SSSR* [Subethnic groups in the USSR]. Leningrad: State Museum of Ethnography.
- Kusmidinova, M. Kh. 2014. *Obraz reki v yazikovoy culture astrahancev* [The image of the river in the linguistic culture of the Astrakhan people]. *Language and Culture* 11: 182–189.

- Makedonov, L. V. 1906. *Hozyaystvennoe pologenie I promisli naseleniya stanic Astrahanskogo kazachyego voyska. Istoriko-statisticheskoye issledovaniye* [Economic situation and trades of the population of the villages of the Astrakhan Cossack army. Historical and statistical study]. St. Petersburg: Typolitography of M. P. Frolova.
- Novikova, N. O. 2015. Raznoyazichiye astrahanskogo nizovogo naseleniya [Multilingualism of the Astrakhan lower population]. *New science: problems and prospects* 6–2: 108–110.
- Perfileva, K. M., and I. P. Vazhova. 1997. Sudbi astrahanskikh kazakov hutora Bukatina Caricinskogo uezda (1870–1920) [Fates of Astrakhan Cossacks of the Bukatina Farm, Tsaritsyn District (1870–1920)]. In *Nekotorye problemy istorii kazachestva Volgogradskoi oblasti* [Some Problems of the History of the Cossacks of the Volgograd Region], 47–57. Volgograd.
- Pugachev, B. G. 2017. *Oficeri I chinovniki astrahanskogo kazachyego voyska. 1914–1918. Biograficeskiy spravochnik* [Officers and Officials of the Astrakhan Cossack Host. 1914–1918. Biographical Handbook]. Astrakhan: Printing House «Nova».
- Samarenko, V. P. 1963. A. A. Dogadin – sobiratel pesen astrahanskogo kazachestva [A. A. Dogadin – a collector of songs of the Astrakhan Cossacks]. In *Narodnaya ustnaya poeziya Dona (materialy nauchnoi konferentsii po narodnomu tvorchestvu donsogo kazachestva 18–23 dekabrya 1961 g.)* [Folk oral poetry of the Don (materials of the scientific conference on folk art of the Don Cossacks on December 18–23, 1961)], 302–311. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House.
- Skvortsov, V. V. 1890. *Istoriko-statisticheskiy ocherk Astrahanskogo kazachyego voyska* [Historical and statistical essay on the Astrakhan Cossack army]. Saratov: Type. P. S. Feokritov.
- Sychev, M. S. 2013. Durnovskaya stanitsa [Durnovskaya village]. In *V Biryukovskie chteniya: Materialy Biryukovskikh chtenii (13 sentyabrya 2013 goda)* [V Biryukov Readings: Materials of the Biryukov Readings (September 13, 2013)], 109–120. Astrakhan: State Enterprise of the Astrakhan Region «Volga Publishing and Printing Complex».
- Syzranov, A. V. 2014. Tradicionno-bitovaya kultura astrahanskikh kazakov (po materialam etnograficheskikh ekspeditsiy 2013 g.) [Traditional and everyday culture of the Astrakhan Cossacks (based on the materials of the ethnographic expeditions of 2013)]. In *Astrakhanskies kraevedcheskie chteniya: sbornik statei* [Astrakhan local history readings: a collection of articles], ed. by A. A. Kurapov, E. I. Gerasimidi, and R. A. Tarkova, 357–366. Issue VI. Astrakhan: Publisher: R. V. Sorokin.
- Tishkov, V. A. (ed.). 1994. *Narodi Rossii. Enciklopediya* [Peoples of Russia: Encyclopedia]. Moscow: Great Russian Encyclopedia.
- Zhmurova, A. V. 2011. «Traditsiy sohranit rodnik...» (Tradicii I obichai stanici Zamyanyovskoy, svyazannie s brakosochetaniyem) [«Traditions to preserve the spring...» (Traditions and customs of the village of Zam'yanovskaya associated with marriage)]. In *III Biryukovskie chteniya: Materialy Biryukovskikh chtenii (25 avgusta 2011 goda)* [III Biryukov Readings: Materials of the Biryukov Readings (August 25, 2011)]. Astrakhan: State enterprise of the Astrakhan region «Volga Publishing and Printing Complex».

«We, the Astrakhan people, are brave...»

RUSSIAN SUB-ETHNIC GROUP OF THE VOLGA LOWLANDS

Abstract. The article is devoted to the characteristics of the sub-ethnic component of one of the groups of the Russian population of the Volga Lowlands – the Astrakhan Cossacks. The creation of the Astrakhan Cossack Army, consolidation ethnic processes, the formation of a single ethnocultural space within the military territory, the upholding of the traditions of self-government and spiritual identity contributed to the emergence of a developed self-awareness expressed in the self-designation «Astrakhan people», «Astrakhan Cossacks». Dramatic events and modernization processes of the 20th century led to the loss of sub-ethnic status and the merger of the Astrakhan people with the Russian population of the Volga region.

Keywords: Astrakhan Cossacks, self-awareness and self-designation, sub-ethnic group, ethnocultural space

Authors Info: Matveyev, Oleg V. – Dr. in History, Professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: ovm1965@list.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

For citation: Matveyev, O. V. 2025. «We, the Astrakhan people, are brave...»: Russian Sub-ethnic Group of the Volga Lowlands. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 43: 26–38